

Прием дублетного перевода в церковнославянском языке XVIII века

*ареопагитики, славянорусские переводы,
церковнославянский язык, переводческие дублеты, барокко*

Прием «переводческих дублетов» неоднократно рассматривался в научных исследованиях, посвященных проблемам кирилло-мефодиевской традиции перевода. Пожалуй, наиболее глубоко и разносторонне эта проблема представлена в трудах Э. Ханзака [Hansack 1977] и М.И. Чернышевой [Чернышева 1994]. Основная идея заключается в том, что дублетный перевод искони представляет собой не соположенные варианты или синонимы, а единое понятие, выраженное буквально и по смыслу [см. Hansack 1977: 38–39]. Мы уже писали о том, что переводческие дублеты «фактически продолжают традицию парных сочетаний, известную многим древним литературам» [Николаева 2008: 223]. А.А.Потебня писал о подобных формулах, что «цель этих выражений – восстановление для сознания внутренней формы» [Потебня 1976: 198].

Этот прием, характерный более для ранних славянских переводов, неожиданно возвращается в церковнославянский язык XVII–XVIII веков, но при этом, несомненно, уже с другими функциями и целями. В это время это уже, скорее, дань традиции, своеобразная языковая игра. У переводчика нет задачи прояснить таким образом понятие – «дублетность» становится риторическим приемом, приметой стиля.

Дублетные эквиваленты – яркая характеристика текста трактатов Псевдо-Дионисия Ареопагита в анонимном церковнославянском переводе XVIII века (РГБ, Муз. собр. № 1345). Например: $\sigma\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\iota\kappa\omega\varsigma$ > *знамен'ми и разумение(м)* (1), $\acute{\alpha}\phi\alpha\nu\omicron\upsilon\varsigma$ > *невидимаго и сокровеннаго* (2), $\acute{\epsilon}\mu\phi\epsilon\rho\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ > *вида и подобия* (3об), $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho$ > *далече и множайше* (3об), $\nu\omicron\alpha\varsigma$ > *умы и естества* (4), $\kappa\acute{\iota}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$ > *движение и подвижь* (29), $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\nu$ > *верховное и н(е)б(е)сное* (36), $\tau\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ > *уставы и жития* (36), $\delta\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\kappa\alpha\lambda\acute{\iota}\alpha\varsigma$ > *учение и наказание* (36), $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho\kappa\epsilon\tau\alpha\iota$ > *побеждаетъ и превышаетъ* (59об), $\gamma\nu\omega\sigma\epsilon\omega\varsigma$ > *премудрости и разума* (62об), $\acute{\epsilon}\upsilon$ > *правое и совершенное* (72), $\chi\epsilon\acute{\iota}\rho\acute{\iota}\sigma\tau\eta\varsigma$ > *слъѣшаго і беззаконнѣшаго* (85об), $\tau\omicron\nu$ $\sigma\kappa\omicron\tau\omicron\nu$ > *установленія і предложенія* (93), $\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ > *сила и мощь* (108об), $\acute{\alpha}\mu\alpha\upsilon\rho\acute{\iota}\varsigma$ > *темными и малыми* (121) и т.п.

Уже из этих примеров видно, что наполнение данных текстовых формул подчинено совершенно разным принципам. Мы встречаем здесь:

1) исконно типичный дублетный перевод (буквальный перевод + смысловой перевод): *συμβολικῶς* > *знамен'ми и разумение(м)*; *ἀφανοῦς* > *невидимаго и сокровеннаго*; *χειρίστης* > *слгъйшаго i беззаконнгъйшаго*;

2) тот же самый случай, но только буквальный перевод не в точности повторяет структуру греческого слова: *ὑπερκόσμιον* > *верховное и н(е)б(е)сное*

3) случай однокорневого повтора в паре: *κίνησις* > *движение и подвигъ*;

4) синонимический повтор в паре: *ὑπέρ* > *далече и множайше*; *διδασκαλίας* > *учение и наказание*; *δύναμις* > *сила и мощь*; *ὑπέρκεται* > *побеждаетъ и превышаетъ*;

5) случай, когда оба члена сочетания представляют собой смысловой перевод: *εὖ* > *правое и совершенное*;

6) случай, когда один из членов пары никак не соотносится с греческим эквивалентом: *νόας* > *умы и естества*; *ἐμφερείας* > *вида и подобия*; *ἀμαυροῖς* > *темными и малыми*;

7) случай, когда пару составляют переводы греческих омонимов: *πολιτείας* > *уставы и жития*.

Это подтверждает мысль о том, что наполнение парного сочетания уже не столь важно; на первый план выходит его стилистическая роль.

Особый случай представляют собой парные сочетания подобного типа, которые переводят греческие сложные слова, например: *εὐπρεπείας* > *вида и доброты* (2) – в первом переводе XIV века (здесь и далее по ВМЧ) *благолгъліа* (121а), *μορφοποιῶν* > *образовъ и начертани(i)* (20об) – в первом переводе *зракотвореній* (153г), *ἀληθογνωσίᾳ* > *наказаніе i разумъ* (108) – в первом переводе *истиноразуміе* (244а). Перевод оказывается неточным в силу того, что сложному слову более соответствует сочетание с подчинительной, нежели с сочинительной связью. Иногда переводчик комбинирует словосочетания с обоими типами связи при передаче словосложений, ср: в первом переводе *отцедвижнаго свгътоявленіа* (120а) – в переводе XVIII века *пришествіе свгъта отеческимъ вдохновение(мъ) и мановение(мъ)* (1); *εἰκονογραφίας*; 123в) – *подобій описании и живописания* (3). В каких-то случаях переводчик может передать словосочетанием даже одну служебную морфему, как например: *ἀνωυρία* > *(имене) источание и лишение* (59об).

Обилие парных (дублетных) сочетаний в тексте делает его более витиеватым, но оставляет непонятным. Порой буквалистический перевод XIV века является более прозрачным для восприятия, чем хронологически близкий нам перевод века XVIII. Ср.:

ВМЧ, 125б: *рачительство божественно то разумгъти подобаеть паче слова и ума невеществіа* – Муз. 1345: *подобаетъ разумети, яко оное есть бжественная любовь истощания или простоты толика елика ни словомъ ниже умо(м) постигнути мощно* (4об.);

ВМЧ, 127б: ... *аще не еже зловидное насъ смутило бы ангельскаго изъявителнаго назданіа, не оставляя нашъ умъ остати въ неприличныхъ образотвореніахъ* – Муз. 1345: *аще бы насъ безобразны аѣгловъ сказатель измышление невозбудило и несмутило еже мысль нашу во изображения(х) без'мест'ныхъ пригвоздатися и медлिति не оставляше* (5об.) и т.д.

Также нужно заметить, что переводчик ни в коем случае не воспринимает свои дублиеты как лексические варианты, поскольку в случаях сомнений в передаче греческого слова он ставит вариант перевода в прямые скобки с двоеточием. Например: *от неподобныхъ /: отличныхъ:/ образовъ* (3об.) и т.п.

Ранее мы рассматривали такой стилистический прием как «расширение текста» [Николаева 2007: 124]. Действительно, он таковым является, но само расширение – это **следствие** использования этого приема, но не **причина** его возрождения в текстах такого типа (он обнаруживается и в других текстах той эпохи [см. Николаева 2008: 234–237], так что его появление в данной рукописи невозможно объяснить только индивидуальностью переводческой манеры).

Безусловно, что этот прием опирается на богатую книжную традицию и в какой-то степени подражает ей. Но немалую роль в распространении таких текстовых нагромождений сыграла, по нашему мнению, общая культурная атмосфера той эпохи, выразившая эстетику барокко, проникшую и в языковую и книжную среду. В подтверждение нашей мысли мы находим типологически близкое этому явление в истории немецкого языка, который в эпоху барокко (наступившую в Европе примерно веком раньше, чем в России) активно аккумулировал сочетания типа *achten und schelzen, gerungen und gestritten, Testament und letzter Willen* и т.п.

Материалы подготовлены при поддержке фонда Александра фон Гумбольдта

Источники

Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием / изд. археограф. ком. под ред. С.Палаузова. – М.; СПб., 1870. – Т. 3. – С. 263–788. – ВМЧ.

РГБ, Муз.собр. (ф. 178) № 1345. – Муз. 1345.

Литература

Николаева Н.Г. Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование / Н.Г.Николаева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. – 184 с.

Николаева Н.Г. Богословские переводные памятники в истории русского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук / Н.Г.Николаева. – Казань, 2008. – 443 л.

Потебня А.А. Мысль и язык / А.А.Потебня // Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С.35–220.

Чернышева М.И. Проблемы влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности: дис. ... д-ра филол. наук / М.И.Чернышева. – М., 1994. – 447 л.

Hansack E. Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes / E.Hansack // *Palaeobulgarica*. – 1977. – Т. 1, ч. 3. – С. 33–59.